

Забег на три тысячи метров подошёл к концу. За долгие годы история Первой старшей школы ещё не знала столь захватывающего зрелища — подобное выступление вполне заслуживало остаться на страницах школьной летописи.

У самого финиша Нин Си мгновенно оказался в плотном кольце учеников из разных классов. Девушки со всех сторон наперебой протягивали ему бутылки с водой и полотенца.

— Брат Нин! — Ван Цзинфу пробился сквозь толпу первым. — Мать твою, ну ты и даёшь! Я специально считал: ты обогнал целых двенадцать человек!

— Да ладно вам, сойдёт, — довольная ухмылка Нин Си мгновенно вернула ему привычный дерзкий и слегка развязный вид.

— И не думал, что ты на такое способен, — выпалил Ван Цзинфу. — С виду худощавый, руки-ноги тонкие, а чешешь как нанятый! Брат Цзэ только что вместе со мной за тебя болел, вроде бы тоже сюда шёл...

Нин Си поднял взгляд и впёстрой толпе сразу приметил идущего к нему Сун Ицзэ. Окрылённый успехом, он уже собирался поднять руку и похвастаться победой, как вдруг в голове будто молния полоснула.

"Бля-а-а..."

"Твою же мать, твою мать, твою мать!..."

Он ведь, чёрт возьми, совершенно забыл про образ слабого, немощного недотёпы!

Лицо Нин Си на мгновение исказилось. Он судорожно сдёрнул с шеи полотенце, подаренное какой-то девушкой, но Сун Ицзэ уже стоял прямо перед ним.

Окинув его спокойным, прохладным взглядом, Сун Ицзэ произнёс:

— Поздравляю.

Нин Си онемел.

Проклятье! Разозлился на Ли Имина — и все полимеры проспал! Какой ещё, к чёрту, горячий спортивный аниме-боевик с обгоном двенадцати соперников?! Это же чистой воды похоронный марш по его тщательно выстроенной легенде!

Нин Си только что преодолел три километра; дыхание до сих пор сбивалось, а голос застрял

где-то в сжавшемся горле.

И что теперь делать?! Вот что?!

— Нин Си, ты как, не устал? Давай подсобим, доведём тебя отдохнуть... — встрял не отличавшийся проникательностью спорторг, но Ху Янцай тут же ощутимо ткнул его локтём в бок.

Спорторг уже открыл рот, чтобы возмутиться, как вдруг Нин Си, до этого стоявший прямо, словно подкошенный, подкосился в ногах и всем весом рухнул прямо на Сун Ицзэ.

— Ох, что-то ноги совсем не держат... — Нин Си судорожно вцепился в куртку Сун Ицзэ и, едва подняв голову, пробормотал с мучительным вздохом: — Так устал, Ицзэ... Дышать тяжело. Кажется, у меня обезвоживание... и голова кружится...

Спорторг ошеломлённо застыл.

Только что же нормальным казался. Не слишком ли затянулась реакция?

Придержав Нин Си за плечи, Сун Ицзэ взгляделся в слегка разругавшееся от солнца лицо омеги. Заботливо обняв его за талию, он повернулся к остальным:

— Я отведу его в медпункт. Похоже, гипогликемия.

— Да-да, конечно, идите! — тут же подхватил Ху Янцай. — Скорее ведите одноклассника Нина отдохнуть, а с остальным класс сам разберётся.

Сун Ицзэ кивнул, перекинул руку Нин Си через свою шею и повёл его в сторону медицинского корпуса.

Палящее солнце приближалось к зениту, накаляя воздух до предела. Зато платаны, выстроившиеся вдоль школьных аллей, стояли сочные и свежие, пышно раскинув изумрудные кроны.

Нин Си душой ушёл в пятки. Он едва переставлял ноги, не смея вымолвить ни слова и даже боялся гадать, что сейчас творится в голове у Сун Ицзэ.

— Понести тебя на спине? — спросил Сун Ицзэ. — Идти не слишком тяжело?

— Понеси, понеси, — Нин Си цеплялся за любую возможность доиграть роль, хоть и чувствовал, что вполне способен передвигаться самостоятельно.

Сун Ицзэ присел, показывая, чтобы Нин Си взбирался к нему на спину.

Осторожно приподняв и удобнее устроив Нин Си на спине, Сун Ицзэ негромко заметил:

— А ты умелец. Быстро бегаешь.

— А, ну... человеческие возможности ведь безграничны, ха-ха-ха, — сдавленно выдавил Нин Си, с каждым словом теряя остатки уверенности. — Сам знаешь, у меня обычно на четырёхстах метрах зачёт с трудом выходил, кто ж знал, что на трёх тысячах прорежется...

— И правда, — сухо подхватил Сун Ицзэ. — Даже полотенце от девушки принять успел.

— ...

Нин Си уже и сам не мог слушать собственную ахинею, поэтому судорожно сменил тему:

— Ох, как голова-то раскалывается... Стоило перенапрячься, и всё тело пошло разладом: и ноги ломит, и руки, и вообще всё болит! Может, у меня и впрямь сахар упал?

С этими словами он бессильно уткнулся лбом в широкую спину Сун Ицзэ, слегка потёршись о неё.

Впрочем, если подумать, Нин Си и впрямь чувствовал странное головокружение. В теле разлилась тягучая слабость, дыхание спёрло, конечности отнимались, а сердце всё ещё колотилось о рёбра, словно бешеное. Слабоватый достался организму задел: всего три километра, а развезло до полубоморока.

Сун Ицзэ донёс Нин Си до медпункта. Врача на месте не оказалось — видать, отлучился по делам. Уложив Нин Си на кушетку, Сун Ицзэ сказал:

— Подожди немного, я разведу сладкой воды.

— Угу, — тихо отозвался Нин Си, оставаясь сидеть на краю кровати.

В медпункте работала система кондиционирования, и воздух здесь был значительно прохладнее, чем на раскалённой улице. Сначала Нин Си списал своё состояние на солнечный перегрев, но прохладные струи воздуха не принесли облегчения. Напротив, с каждой секундой ему становилось всё хуже. Это было непохоже ни на тепловой удар, ни на обезвоживание или гипогликемию. Скорее тонкая, острая волна, рождённая где-то в глубине нервных окончаний, неудержимо расползалась по всему телу, туманя разум.

Сун Ицзэ, размешивавший сахар в стакане за перегородкой, сам пребывал в полном смятении. Мысли путались. Нин Си ведь утверждал, что слаб здоровьем и спорт ему противопоказан... Так как же он умудрился занять второе место в таком изнурительном забеге? Не повредит ли ему эта нагрузка? Может, стоит отвезти его в больницу? Но если при обследовании всплывёт что-то серьёзное, как отчитываться перед госпожой Юй?

К тому же этот паршивец ещё и принимает воду с полотенцами от посторонних девиц...

Сун Ицзэ нахмурился.

Он уже намеревался залить кипятком кусочки кристаллического сахара, как вдруг до его носа донёлся густой, сливочно-сладкий и манящий аромат белого чая с мятой.

Будучи альфой, он реагировал на феромоны мгновенно.

Осознав, что стряслось неладно, Сун Ицзэ бросил чайник и ринулся к кушетке. Нин Си сжался в комок, судорожно сжимая пальцами ткань футболки на груди, прямо напротив сердца.

Заслышав шаги, Нин Си поднял на него глаза — подёрнутые влажной, туманной пеленой.

— Ицзэ... — прошептал он, вытягивая руки и поддаваясь порыву обнять его за шею. — Мне... мне вдруг стало так плохо...

Окутанный волной омежьих феромонов, Сун Ицзэ мгновенно всё понял.

У Нин Си начался жар сочетания. Неизбежный период, через который обязан пройти любой дифференцировавшийся омега, настиг его именно сейчас.

— У тебя жар сочетания, — предупредил Сун Ицзэ, пытаясь удержать ускользающий разум Нин Си хоть в каких-то рамках осознанности. — Не бойся, это естественная физиологическая реакция.

— А... я знаю... — с трудом выдохнул Нин Си.

Потоки его феромонов вырвались из-под контроля, в мгновение ока заполнив небольшое помещение душным, пьянящим ароматом. Повинуясь чистому инстинкту, Нин Си подался вперёд, пытаясь дотянуться до источника альфа-гормонов и жадно впитывая дыхание стоящего перед ним юноши.

Сун Ицзэ чувствовал, как земля уходит из-под ног. Нин Си беззастенчиво провоцировал его, до капли выпивая альфа-феромоны. Но Сун Ицзэ оставалось лишь беспомощно наблюдать, как поддавшийся инстинкту омега судорожно терзает ворот собственной футболки, а затем, теряя

последние силы, бессильно роняет голову ему на ключицу.

Пиздец...

Нин Си судорожно глотал воздух, до белизны костяшек вцепившись в спортивную куртку Сун Ицзэ. Прижавшись горячим, покрасневшимся лицом к его груди, он пробормотал:

— И что же... что делать?..

— Ингибиторы феромонов. Или маркировка альфы, — Сун Ицзэ сам поразился тому, насколько хриплым и глухим стал его голос. Зачем он вообще в такой момент зачитывал ему курс биологии? — Помолчи лучше.

Нин Си смутно кивнул, чуть повернув голову.

Ерунда какая-то... ничего не понятно.

Впервые столкнувшись с подобным состоянием, он пребывал в полной растерянности и чувствовал себя невероятно уязвимым, почти несчастным.

— Я... я... — но жажда, сжигавшая его изнутри, была слишком мучительна, мысли путались, а голос едва слышно дрожал: — Я хочу тебя...

Пьянящий аромат выбивал у Сун Ицзэ остатки благоразумия. Превозмогая дикий диктат инстинктов, он заставлял себя не смотреть на обнажённую, ослепительно белую и изящную шею Нин Си. На то самое место, где располагалась железа омеги. Лишь благодаря феноменальной выдержке Сун Ицзэ ещё держался — любой другой альфа на его месте уже давно перешёл бы к насилию.

Но сухой, сдавливающий горло спазм выдавал его с головой. Обжигающее дыхание оседало на горячей коже, и Сун Ицзэ, не сдержавшись, сжал мягкую мочку уха Нин Си подушечками пальцев.

Голос его звучал низко, бархатисто, глухо зародившись где-то в самой глубине груди:

— Чего именно ты от меня хочешь?..

Градус напряжения неумолимо возрастал. Переплетённые феромоны сгустились в сладкий, терпкий коктейль. В голове у Нин Си гудело, дыхание прерывалось, а мышцы окончательно отказывались служить — он практически всем весом повис на Сун Ицзэ.

Феромоны — страшная вещь, способная начисто лишить человека рассудка, особенно когда речь идёт о столь высокой степени совместимости. Нин Си сжался, судорожно пытаясь подавить накрывающую его волну похоти. Выпирающие позвонки подчёркивали хрупкость его фигуры, а яркий алый румянец, разлившийся по белоснежной коже, выглядел невероятно соблазнительно, лишая последних капель самоконтроля.

Он заговорил — тихим, капризно-мягким, слегка охрипшим голосом, в котором слышался откровенный, чистейшей воды призыв:

— Я хочу... чтобы ты рассказал мне анекдот...

— ...

Чего?

У Сун Ицзэ на мгновение сердце оборвалось и ухнуло куда-то вниз.

Парнишка, уткнувшийся носом в его шею и жадно вдыхавший феромоны, невнятно пробормотал:

— Ну же, скорей...

Сун Ицзэ запрокинул голову, натянув струны шейных мышц. Сухо сглотнув — кадык качнулся вверх и вниз, — он судорожно перерыл всю память и еле-еле выудил единственный анекдот:

— Тогда ответь: что делать, если случайно наступил на мину?

Нин Си, не открывая глаз, вяло пробормотал:

— И что?..

— Притвориться мёртвым, — сказал Сун Ицзэ. — Потому что мёртвые минам не интересны.

Повисла двусекундная пауза.

До Нин Си наконец дошёл смысл, и он зашёлся звонким хохотом.

— А-ха-ха-ха-ха! Вот это бред! Ха-ха-ха! — отсмеявшись, выдавил Нин Си. — Надо же, ты и вправду знаешь анекдоты... Что за глупость тупая...

Он ещё сильнее сжал объятия на шее Сун Ицзэ и со смехом стал похлопывать его пальцами по спине. От всплеска эмоций выброс феромонов усилился: сладкий, густой аромат белого чая с мятой заполнил всё пространство, буквально вскипятив окружающий воздух и сбивая юношеский пульс.

Сун Ицзэ проклял всё на свете. И зачем только он пошёл рассказывать этот глупый анекдот?! Сердце в груди колотилось как безумное. Теперь сдерживать себя стало стократ тяжелее.

Приоткрыв глаза, Сун Ицзэ глубоко вдохнул и мягко, точно утешая капризного ребёнка, произнёс:

— Отпусти меня на секунду, я схожу за ингибитором феромонов.

— Угу... — мурлыкнул Нин Си, точно котёнок.

Но хватки не ослабил.

— Нин Си? — повторил Сун Ицзэ. — Разжми руки.

— Угу-угу...

И снова ни движения.

Сун Ицзэ беспомощно вздохнул. Для Нин Си это был первый жар сочетания в жизни, он размяк, словно воск, а ощутив рядом настолько желанные феромоны, и вовсе потерял над собой всякий контроль. Нужно было срочно вколоть ингибитор...

— Эх, ладно... — запустив пальцы в короткие волосы Нин Си и бережно обхватив его затылок, Сун Ицзэ склонился к самому его уху: — Тогда держись крепче.

— А?.. — Нин Си даже сообразить ничего не успел, как его тело оторвалось от кушетки.

Вскрикнув от неожиданности, он почувствовал, как взмыл в воздух, и на чистом инстинкте ещё сильнее впился в Сун Ицзэ. Подхватив омегу под бёдра, тот подмял висящего на нём юношу под себя и поднял на руки.

Не выпуская Нин Си, Сун Ицзэ подошёл к шкафчику с аптечкой. Одной рукой удерживая драгоценную ношу, второй он ловко отпер дверцу и достал ампулу с ингибитором феромонов.

Свернувшись калачиком, Нин Си доверительно уткнулся носом в плечо альфы. В таком положении — фактически сидя у Сун Ицзэ на руках — он мог ещё явственнее ощущать его

чистый, тёплый и успокаивающий запах.

Взяв лекарство, Сун Ицзэ вернулся к кушетке.

Омега прилип к нему, словно банный лист, не желая отпустить ни на сантиметр. Сун Ицзэ ловко ввёл ему ингибитор феромонов, надеясь, что препарату удастся хотя бы немного вернуть парню рассудок.

— Всё, всё... — он ласково поглаживал Нин Си по спине, приговаривая тихим, баюкающим голосом: — Скоро отпустит. Скоро станет легче.

Время словно замедлило свой ход. Замкнутое пространство комнаты было до отказа пропитано густым, чувственным коктейлем смешавшихся феромонов. Но вопреки ожиданиям, укол ингибитора феромонов не принёс Нин Си облегчения — напротив, препарат словно подлил масла в огонь, раскалив тело до предела и заставив каждую клетку требовать большего.

Нин Си приподнял голову, пытаясь рассмотреть лицо Сун Ицзэ. Они находились так близко, что касались друг друга кончиками носов. Нин Си окончательно лишился рассудка: его щёки и уголки глаз пылали густым румянцем, талия от бессилия прогнулась, а изящная шея и ключицы покрылись соблазнительными алыми пятнами, оттенявшими ослепительную белизну кожи.

Сун Ицзэ отводил взгляд, боясь сорваться и окончательно потерять контроль, но всё равно бережно придерживал Нин Си, не давая ему соскользнуть. Однако влажное, горячее дыхание оседало на его ресницах — укрыться от этого было невозможно.

Голос Нин Си дрожал, став совсем детским, нежным и тонким:

— Ицзэ... мне всё ещё так плохо...

Он уже сам не осознавал, что говорит. Парень лишь судорожно хватал ртом воздух, а его шёпот, подобно влажной ночной волне, с головой накрывал разум Сун Ицзэ.

— А ведь... ведь ещё можно сделать маркировку альфы?..

— Сделай... сделаешь мне маркировку?..

<http://bllate.org/book/20373/2283275>